

год 2002

«Первый мужчина»

Елена Исаева

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ПЕРВАЯ

ВТОРАЯ

ТРЕТЬЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВАЯ. Это всё не просто так. Я не знаю, что это такое... Какая между нами связь?

ТРЕТЬЯ. Какая между нами связь?

ВТОРАЯ. Я его очень люблю и он меня очень любит...

ПЕРВАЯ. Но всё это не просто так... Я его чувствую на расстоянии. Недавно он мне приснился. Мы сидели у него дома за столом, ели, смеялись... Такой сон. И я стала ему звонить. Не дозвонилась. А потом, когда всё-таки дозвонилась, оказалось, что он меня разыскивал, потому что написал новые стихи и хотел мне их прочесть.

ВТОРАЯ. У него мозги как-то по-другому устроены. И у него есть своя правда.

ТРЕТЬЯ. Я понимаю. Он закрытый человек. Он не так откровенно выражает свои чувства. Всё внутри. Всё терпит.

ПЕРВАЯ. Он никогда мне не рассказывал о своей личной жизни — что было до моего появления. Всё что я об этом знаю, я знаю не от него.

ВТОРАЯ. Только он не хочет понимать меня. Вся наша жизнь шла в ритме — ссора — мир, ссора — мир. Когда мир, то обнимались, целовались, были друг к другу очень ласковыми...

ТРЕТЬЯ. Он очень любит себя. У него есть свой закон. И он хочет сломать другого. Ему важен свой закон. Я уважаю его ум. Но, конечно, чувство для меня важнее, чем закон.

ПЕРВАЯ. Он приходил поздно, и я всегда его ждала. Я вообще не могла заснуть, пока он не придёт домой. Я не могла просто заснуть. В темноте я лежала с закрытыми глазами, но заснуть я не могла. Он знал, что я его жду. Я могла заснуть, но сквозь сон я чувствовала, что он пришёл, вставала и бежала в коридор. Однажды я увидела в окно случайно, что он по двору бежит бегом от автобуса — как мальчишка. С портфелем под мышкой он бежит бегом.

ВТОРАЯ. Я очень-очень любила с ним смотреть комедии с Депардье, с Луи де Финесом. Мы сидели на диван. И я хохотала не столько от комедии, сколько от того, как он смеётся. Я обожала эти моменты. Я их любила до изнеможения... До определённого момента... Потом про это расскажу...

ПЕРВАЯ. Мы пошли в гости к родственникам. Там была большая достаточно компания. Там была какая-то расслабуха. Я помню, он сел на диван, а я захотела сесть ему на колени и села ему на колени. Обняла. И он так мягко, но настойчиво снял с себя. Посадил рядом и сказал, что не надо так демонстрировать свои чувства. Вот это тоже как-то сразу так меня запрограммировало.

ТРЕТЬЯ. У него есть кабинет, чтобы работать... И если у меня нету какой-то ручки или... ну, что-то я возьму у него и я забуду вернуть. И если ему нужно это... Тогда он очень сердится... Потому что, чтобы работать нормально, для него всё должно быть нормально расположено. И я тоже не любила этого. Потому что — кто взял? Ты, да? Почему ты не вернула? Это мелочь, а тебе так тяжело из-за мелочи. Ты ругаешься из-за мелочи? И такой характер мне не нравился. Из-за этого тоже ссорились.

ВТОРАЯ. Виновата всегда была я. И прощения всегда просила я. Он никогда не просил... И я стала врать. И я поняла, чтобы избежать всех вот этих... Надо врать. И враньё стало моей параллельной жизнью. Если попросить его написать мою автобиографию... ну, там что я делаю в течение дня. Чем, он думает, я занимаюсь. И сравнить с тем, что на самом деле, так это будет две большие разницы, две очень большие разницы. Небо и земля.

ПЕРВАЯ. Я даже не знаю, врала ли я ему. Дело в том, что у меня всегда была огромная потребность с ним чем-то делиться.

ТРЕТЬЯ. Я хотела работать в кафе — официанткой. Это кафе особенно работает только ночью, и туда ходят ну... богатые мужчины и с женщинами пьют. Мне хотелось знать, какая ситуация там. Потому что я жила обычно, нормально, отдельно от такого мира, а такой мир... ну... опасно, да? И люди думают, что это плохо. Потому что мужчина хочет с женщинами... ну... нормально... но для общества это не так морально... да? Ну, я хотела знать, кто работает, как относится... Я нашла в таком кафе работу. Это начинается с семи часов и кончается в двенадцать часов. Поэтому надо вернуться домой поздно. Я сказала об этом. У меня есть цель — чтобы узнать незнакомый мир. Может быть, это полезно — такой опыт. А он очень сердился. Он сказал — я думал у тебя есть цель! Я верил в

тебя! А ты начинаешь такую работу, то это очень... безумно. Тогда я не могу верить в тебя, что у тебя есть цели. Надо больше читать книги, а ты вот так тратьешь время! Я хотела знать, как он реагирует. Он очень сердился, сильно реагировал. Поэтому я испугалась и тоже передумала. Да, он прав. И я не стала там работать, да, я отказалась.

ВТОРАЯ. Что, я не имею права потанцевать с друзьями в ночном клубе? И я сказала, что мне всё надоело и я хочу жить одна. Ухожу. Но я не собиралась сразу — думала — завтра вещи соберу. А он назвал меня проституткой — что меня дома ночью не было. Раскричался. Можешь уходить куда хочешь, чтобы ноги твоей тут не было. Получилось, что он меня фактически выгнал. Раз ты так — то давай отсюда.

ПЕРВАЯ. О каких-то вещах я просто с ним не разговариваю, потому что он будет расстраиваться, если я ему это скажу.

ВТОРАЯ. Обиды были всегда. Они росли — по крещендо! Чтобы он был счастлив, я должна была быть идеальной! Шаг влево, шаг вправо — расстрел. Когда начинались с ним серьёзные разговоры, я пыталась ему доказать, потому что я ж права, и у меня куча аргументов. И я не могла сказать ни слова, потому что с того момента, как начинался серьёзный разговор, меня душили слёзы.

ПЕРВАЯ. А может быть, это такое своеобразное проявление того, что часто называют мужским шовинизмом. Ну, типа, «Вождь всегда прав, а если вождь не прав, смотри пункт первый».

ВТОРАЯ. Он же человек очень уважаемый, коммуникабельный, который может со всеми найти общий язык... Его любят и уважают все. Я им гордилась всегда. Мы с ним упрямые, упёртые, умеющие других убеждать. Если ему кого-то надо убедить — запросто. И если мне надо кого-то убедить — запросто! Но когда мы схватывались с ним!..

ПЕРВАЯ. Как-то раз, я решила подарить ему на день рождения плед. Мне хотелось подарить ему что-то полезное и хорошее, я долго думала и вспомнила, что его жена незадолго до этого говорила, что жаль, что нет какого-то покрывала или пледа, чтобы можно было стелить на диван или на его кровать, потому что шёлковое декоративное покрывало он уже истёр, постоянно на нём валялся.

ТРЕТЬЯ. Подарок — это твоя душа, вложенная в какую-то вещь. Очень важно правильно выбрать подарок. Чтобы человек понимал твою душу.

ПЕРВАЯ. Я пошла в хороший магазин и купила дорогой немецкий — или голландский, не помню, ну, в общем, хороший фирменный чистошерстяной плед, с очень благородным рисунком — в чёрно-голубую клетку по белому фону. Когда я пришла к ним, его ещё не было дома. Это был уже не непосредственно день рождения, а через несколько дней, обычный рабочий день. Надо сказать, свой день рождения он отмечать не любил и тогда, по-моему тоже не делал этого. Ну, в общем, я пришла, Таня (его жена) встретила меня, мы посидели, как обычно, я с

Катюшей поиграла, а вечером уехала, его не дождалась, он позвонил, сказал, что будет очень поздно. Да, Тане плед очень понравился, она его расстелила у него на кровати, сказала, что и ему наверняка понравится, и как раз это то, что нужно. А когда я приехала к ним снова через несколько дней, Таня встретила меня очень смущённо и виновато.

ВТОРАЯ. Мама мне всегда говорила: «Мужчина должен быть мужественным и великодушным».

ПЕРВАЯ. Я смотрю — этот плед лежит свёрнутый обратно в упаковку в прихожей на тумбочке. Я обалдела просто. Таня начала смущённо мне объяснять, что мол, он велел отдать мне его обратно, что это он сам всё аккуратно свернул и вынес к двери, чтобы я не забыла. Мол, вещь дорогая, а я человек далеко не богатый, нечего зря деньги выбрасывать, у него, мол, и так всё есть.

Когда до меня всё это дошло, а дошло, надо заметить, не сразу, у меня сначала такое ощущение было. Что я на себя смотрю, как в кино каком-то, что это всё — не со мной. Так вот когда до меня, наконец, дошло, я села тут же на табуретку и разрыдалась, я плакала часа два, наверное. Успокоиться не могла. Мне было жутко обидно. Я, конечно, понимала, что он намного сильнее меня, что ему от меня ничего не нужно, но мне так хотелось хоть что-нибудь для него сделать!

ВТОРАЯ. А когда ссора, то был бойкот. Он со мной не разговаривал... Пока я не просила прощения.

ПЕРВАЯ. Я так и плакала, когда он пришёл домой. И начал надо мной подшучивать. Мол, тоже мне, нашла, что подарить, мне это вообще не нужно. Таня с ним начала ругаться. Я сказала: «Знаешь, я подарила эту вещь тебе и делай с ней, что хочешь. Если она тебе не нужна, хоть в мусоропровод её спусти, это твоё дело, но только сделай это, пожалуйста, сам, а мне ничего возвращать не надо». Я, конечно, ушла тогда. Ну, объяснение по этому поводу у них там, видимо, продолжилось, потому что через несколько дней он позвонил мне на работу и сказал, что «мы твой прибор приспособили. Работает.» В общем. Пошёл на попятную.

ТРЕТЬЯ. Но когда мы ссорились... обычно... вечером... На следующий день утром иногда лежит письмо от него. И читаю... «Я понимаю, что ты хочешь, но моё мнение тоже важно... Объяснить своё чувство не так легко.» У него много мыслей, это мешает откровенно объяснить свои чувства. И я забываю, почему мы ссорились!

ПЕРВАЯ. Мама мне говорила: «Если ты любишь, то до конца борись за свою любовь и никогда не выходи замуж за нелюбимого человека».

ТРЕТЬЯ. Мама всегда волновалась, если я приходила поздно. Мама шла встречать электричку. Папа спал, а мама шла встречать.

ВТОРАЯ. Все проблемы — из детства, это точно.

ПЕРВАЯ. При рождении меня уронили на пол, и у меня было три перелома — ключица в двух местах и ребро. Ребро у меня осталось навсегда, потому что они скрыли перелом, не оказали помощь, как положено, не думали, что я выживу, не хотели мной заниматься. И третий перелом был обнаружен в запущенном состоянии, когда маму со мной уже выписали домой. Понимаете, именно ребро...

ТРЕТЬЯ. Четырнадцать лет это возраст — я ходила в среднюю школу, где были только девушки. Мальчики отдельно. Я была только с девушками, вокруг меня — все девушки. Частная негосударственная школа. Я медленно привыкла... ну... Мне трудно общаться с мальчиками, потому что кругом девушки. И только в электричке... Ну, я дома и в школе... И только в электричке, только по пути в школу, и по пути домой я видела... ну, мужчин. Ну, конечно, в школе есть мужчины, преподаватели, но кроме них никого нет. Поэтому в электричке... Страшно было, когда мальчик или мужчина. Потому что в таком возрасте очень ненавидишь какие-то скандальные вещи. Например, в электричке... иногда бывает такое... мужчина трогает женщину... Да, боялась.

ПЕРВАЯ. Я сейчас боюсь, боюсь, что мы ссоримся, как-то понимать друг друга перестали. Я всё время боюсь, что как-то не долюблю, не отдам ему всего, что хочу, что должна отдать.

ВТОРАЯ. В общем, я ушла. Друзья заняли денег и сняли мне комнату в коммунальной квартире. Помните песню Розенбаума «Бездомная комната»? Совершенно бездомная, она была большая, она была пустая, в углу стояла большая кровать, сломанная, стол и два шкафа, и всё. И большой красный ковёр. И дверь, которая была... Там был балкон — на той стороне, а на этой — была входная дверь в комнату. И на входной двери висело большое такое зеркало, причём обшарпанное, обцарапанное. И вот у меня практически все вечера и ночи проходили в это время... проходили в том, что я сидела вот так в позе лотоса на полу, смотрела в это зеркало, рыдала. То есть у меня были неуходящие, вообще, мешки под глазами, опухшие красные глаза от постоянных слёз. Я сидела. И помню, что всё это время я ночами говорила с ним, как бы представляя — напротив. Я ему рассказывала — смотри, что происходит. И кто в этом виноват? Да, конечно, я виновата. Но есть ведь и твоя вина. Твоя — в этом, в этом и в этом. А моя — в этом, в этом и в этом. Но как бы сойтись мы с тобой не можем, потому что, ты не понимаешь, в чём твоя вина и винишь во всём меня, а я не понимаю, в чём моя...

ПЕРВАЯ. Он вынужден был в жизни пробивать себе дорогу сам. Я помню фильм «Последние дни Помпеи». И там герой Диомед — знаменитый купец. Ему там пеняют, что он амбициозен. И он отвечает — я тащил самого себя. Вот и он тоже всю жизнь тащил самого себя. И если бы у него был другой характер, он не добился бы того, чего он добился. И эти люди, как правило, они не могут

уступить, и очень тяжело признают свою ошибку. Особенно в тех случаях, когда они видят перед собой человека, которого заведомо считают менее сильной личностью, чем они. Ему трудно допустить, что он может быть не прав. А когда в результате оказывается, что я была права, тут уже этого он не замечает, и ему кажется, что вся проблема заключается в том, что недостаточно хорошо выполнили то, что он сказал.

ВТОРАЯ. Я говорила, говорила, говорила, это доходило до бреда сумасшедшего... Мне казалось, что я схожу с ума, потому что я вижу его перед собой и я всё это ему выкладываю, всё это говорю. А он в это время был в санатории... Это был страшный период. Когда он закончился, меня не узнавали люди — я постарела лет на десять. Мир перевернулся с ног на голову — совершенно другой человек.

ТРЕТЬЯ. Когда мне очень тяжело, я себе говорю — почему Бог родил меня? Но для меня Бог — это просто удобное слово. Я не верю в существование Бога. Я не могу представить себе образ Бога.

ПЕРВАЯ. У меня тоже с ним были достаточно тяжёлые вещи потом, когда, например, он вдруг пришёл к выводу... что меня надо... что это безобразие, что я до сих пор не замужем. И надо срочно заняться этим вопросом. А он организатор. Он работает на производстве, в бизнесе. Он понимает, что есть некая система, некая задача, её надо организовать и получить такой реальный результат. И он вот так строит всё. И ему другое совершенно непонятно. И вот он сказал — вот тебе такие-то и такие-то варианты. Давай их рассмотрим, всё обсудим, взвесим все за и против. Ты выберешь из этих вариантов и всё. Кто-то был сам согласен, а кто-то были маменькины и папенькины сыночки из его круга знакомых, и они хотели отдать своих сыночков в надёжные руки, потому что он обещал хорошо устроить.

ТРЕТЬЯ. Говорят, что на людей, рождённых в год Дракона, имеет влияние их первая любовь.

ПЕРВАЯ. Существовал момент ревности. Он решил, что сам выберет мне мужчину, и открытым текстом говорил, что «я хочу быть для тебя лидером всегда – хочу, чтобы твой муж подчинялся моей воле. И я сказала — во-первых, я совершенно не понимаю. Способ странный. Во-вторых. Я никого из них не люблю. Как я буду так жить? И вообще, я совершенно не хочу рожать ребёнка от нелюбимого человека. И сначала он просто не хотел меня слушать. И потом у нас был очень серьёзный конфликт — мы полгода не разговаривали.

ТРЕТЬЯ. Но если он усталый или плохо себя чувствует, он вот так чашкой хлопает об стол, или дверь вот так – хлопает. Он не говорит, но внешне – проявляется. Я очень не любила этого.

ВТОРАЯ. Конечно, он тоже переживает. То, какой он меня видит в своём воображении, возможно, там есть доля правды. Не спорю. Не такая уж я чистая и непорочная, и невинная. Правильно? Вот. Но тот монстр разврата и порока,

который в его голове нарисован по отношению ко мне — ко мне это отношения не имеет. Но зачем я буду его разубеждать, если он всё равно убеждён. Бил, кричал, называл проституткой, шлюхой... На день рождения пожелал много мужчин и денег...

ПЕРВАЯ. А потом как бы я... это может быть ещё произошло потому... что у меня был роман с его другом... И... Ну, в общем, он меня бросил. Я очень сильно в него была влюблена... Да. А он меня оставил. Из-за другой женщины. Хотя он с ней тоже в конечном счёте расстался. Надо сказать, что эта женщина не отличалась порядочностью. Но это совсем другая история. Но зато она была старше меня, зато она была опытнее. И в нужный для себя момент она повернула дело так, как ей было нужно. И в общем, он женился на ней. И я очень сильно переживала. Мне очень страшные мысли приходили в голову. Я могла покончить с собой. Мне приходило такое в голову. И депрессия у меня была страшная. И он просто боялся, как бы действительно чего не вышло. Вот. После этой истории он перестал с этим своим другом общаться. Причём, такая была ситуация, что в принципе он мог с ним как-то жёстко поговорить тогда, потребовать. Но он с ним разговаривал просто, убеждал его в том, что... Такая была ситуация, что просто этот друг не был во мне уверен. Конечно, я была намного моложе. И я тогда сказала — почему ты не смог надавить, потребовать? Он сказал — ну, ты же умная, ты будешь понимать всё равно, что он женился под давлением. И тебе это всегда будет неприятно, ты не сможешь с ним спокойно жить. И я с ним согласилась. Наверное, тогда он это сказал потому, что уже не мог ничего сделать. И потом был у нас конфликт. Мы полгода не разговаривали, потому что я отказалась выходить замуж по его выбору. Он выбрал мне жениха, а я отказалась. Он был для меня очень большим авторитетом.

ВТОРАЯ. Что нам нужно? Просто чуть-чуть заботы и внимания. А где её взять после всего пережитого?

ТРЕТЬЯ. И у меня есть друзья, а если меня вдруг не станет, что изменится для них? Ничего не изменится. Так чувствовала. И мне очень грустно становилось — зачем я живу? Но ему я это не рассказывала. Я не хотела. Чуть-чуть стыдно было... Каждый день вместе обедаем, вместе разговариваем. Но я то — не то. Я чувствовала — я очень скучный человек. Кому я нужна?.. Мне кажется, иногда ему главное своё дело. Я подойду — дай мне хорошую книгу, помоги выбрать. Он конечно, даст. Но это потому, что я подошла. А без этого — нет.

ПЕРВАЯ. А я всегда считала, что он — сильная личность. И так или иначе, чтобы я почувствовала глубокую привязанность к мужчине, этот мужчина должен быть не менее сильной личностью, чем он. И когда я встретила такого мужчину, я перестала говорить с ним о своей личной жизни. Этот мужчина цельный и статичный, а он — это человек, который как будто проглотил гранату. Это какая-то внутренняя обречённость. Это сродни тому, как советские войска при отступлении сжигали свои города.

ТРЕТЬЯ. Я поступила в университет. Мне было очень интересно общаться с мальчиками — у них совсем не тот характер, что у девочек. Но через полгода, я поняла — мальчики — очень не сильные. Слабые. Женщины сильнее. Мальчики... они... не так много они думают. Не интересно. Сначала интересно было, но потом... Я хотела открытий. Но таких людей было мало вокруг меня. Я только читала книги. А общаться с людьми не так интересно было, потому что они не так думают. Но я случайно нашла кружок... чтобы играть спектакли по-русски. И там познакомилась с мальчиком. И он хотел стать писателем, поэтому с ним разговаривать было очень интересно.

ВТОРАЯ. Мне нужен свой угол, тихий, спокойный, где я могу замкнуться, подумать. Переосмыслить.

ТРЕТЬЯ. Нужно стоять на земле крепко, как дерево, с корнями. Но я себя чувствую, как пух, летающий на воздухе. У меня основы нету...

ВТОРАЯ. Всё скатилось на нет. Вообще никакого общения. Мы существуем на одной жилплощади, у нас зубные щётки стоят в одном стаканчике — больше ничего. Поначалу мы хотя бы здоровались и прощались, когда виделись, а потом...

ТРЕТЬЯ. Я видела в фильме — под Рождество — мальчик засыпает, и родители — относят его в кровать. И я вспомнила тоже такой момент — и я заснула на диване, а не в моей кровати. Тогда родители взяли и отнесли меня на кровать. И это очень было приятно. И на кровати одели тёплым. Очень это счастливая память у меня, связанная с родителями.

ПЕРВАЯ. Родители никогда при мне даже не обнимались, не говорили друг другу ласковых слов, не говорили друг другу: «Я тебя люблю». Зато они постоянно ругались при мне. Помню, маленькая, я засыпала, а они кричали друг на друга за стенкой. Я уши руками зажму и засыпаю, когда плакать устану.

ВТОРАЯ. Самое противное, что я бы полжизни отдала, чтобы понять — где выход.

ПЕРВАЯ. Хочется сказать ему: «Давай с тобой просто молча походим по улицам».

ВТОРАЯ. Он не верит мне, не верит совсем. Ну, и наверное, он прав. Я много врала...

ТРЕТЬЯ. Я родилась и я умру.

ПЕРВАЯ. Я себя помню лет с трёх, даже чуть меньше. По аналогии с героем Евстигнеева («Зимний вечер в Гаграх»), который сказал, что «у меня был в жизни момент, ради которого я был готов отдать всё» (это когда он танцевал со своей дочерью), — я иногда думаю, что я бы, наверное, отдала всё вот за этот вечер... Мне тогда было... наверное, четыре, да, три или четыре года. Скорее три, чем четыре. Мы с папой ходили в парк. Мы туда ходили часто. Мы с ним, вообще, часто куда-то ходили, когда я была маленькая. Это было начало июня. Началась

гроза, и папа... а мы как раз находились около пруда. И, в общем, меня папа схватил на руки и быстро-быстро побежал домой. Причём он ещё меня как-то так смешил. Я помню, что мне было очень смешно. Вот. А потом вдруг вместе с дождём пошёл град. И я, естественно, стала плакать. Тогда папа снял с себя рубашку, завернул меня в неё и побежал опять-таки со мной на руках домой. И его град бил по голой спине, а он ещё как-то пытался меня собой закрывать.

И я помню, я вот держалась за него. Это было очень большое счастье. Очень сильное чувство счастья. И, наверное, ну, наверное, навсегда это будет так сказать, все остальные ощущения счастья, они будут для меня сопоставимы с этим. И сильнее я пока не знаю...

ВТОРАЯ. Мы сидели в большой комнате — я на кресле, а он на диване друг напротив друга. Я сидела на кресле с ножками, значит. А он песенник листал. Листал песенник и в какой-то момент открыл песню... сейчас я вспомню... «Старые песни о главном». Её ещё Лещенко пел... С кем-то, с Варум, по-моему... Я не помню... старая песня, хорошая... Что-то там... «весна прошла...» «Почему ж ты мне не встретила... Юная нежная...

ПЕРВАЯ. (Подпевает) «в те года мои далёкие, в те года... вешние...»

ВТОРАЯ. И он начал её петь. И я смотрю — у него на глазах слёзы наворачиваются, сейчас заплачет, правда... так стало его жалко! Просто нереально! И что-то так защемило внутри! Так совесть замучила! Я готова была ему на шею броситься! Я готова была на коленях стоять! Вот от всего откажусь! От всего! Прости меня за всё, ПАПА! ПАПОЧКА!

ПЕРВАЯ. ПАПА! ПАПОЧКА!

ТРЕТЬЯ. ПАПА! ПАПА!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВТОРАЯ. Вообще, с самого детства, я была чувственно развитой девочкой. И насколько я себя помню... может быть, это очень интимные подробности, но они важны... Сколько я себя помню. Вот... что называется мастурбацией, да? — это было с самых пелёнок. Я, правда, я сколько себя помню — это было.

ПЕРВАЯ. Нет, никогда... ничего такого... Долго ничего такого. Только один раз старшая подружка пригласила меня к себе в гости... Мне было лет семь, а ей лет десять. И говорит: «Покажи, как у тебя там всё устроено. А потом я тебе покажу». И мы сели друг против друга на диване, и сняли трусы. И стали всё раздвигать пальцами, и рассматривать... Но ничего такого. Просто мне было интересно.

ТРЕТЬЯ. Быстрое течение может погубить лодку, но ведь без него она не сможет быстро плыть!

ВТОРАЯ. Вот. А дальше больше, дальше как бы вот... все наши мирные отношения с отцом... Я не помню, в какой момент это началось... И как это началось — не помню. Но как-то это началось. Вот то что называется ласки... усиленные... частей тела, да? — это как-то стало приобретать вообще, честно говоря какие-то ужасающие масштабы, потому что... С его стороны по отношению ко мне. Я говорю, в начале ритмы жизни были — бойкот, мир. Опять ссора, опять мир. Но когда я стала взрослей, когда я из маленькой девочки превратилась в набоковскую нимфетку, начались вот эти вещи, когда был мир. Потому что когда был мир, было принято друг к другу очень ласково относиться.

ПЕРВАЯ. Я как-то открыла дверь в ванную. Папа был под душем... Я стояла и смотрела. Не помню, сколько мне было — четыре-пять... Он дверь закрыл... Обрызгал меня... Потом он стал запирается, когда мылся.

ВТОРАЯ. Началось всё просто с того, что вот мы сидели обнявшись, какие-то там я не знаю щёчки-поцелуи, что-то ещё такое трали-вали...А-а я очень любила... — у меня всегда была больная спина — я очень любила массаж. А у отца очень сильные руки. Никто дома больше так не мог. Да? Отец делал мне массаж. В какой-то момент, я не помню, то ли он попросил повернуться, то ли ещё что-то. Что как бы вот... что-то такое произошло.

ПЕРВАЯ. Мы гуляли в лесу. И он поранился о колючку. И я схватила его руку и начала ранку зализывать. Быстро-быстро. А он вдруг руку отдернул. И я подняла глаза вверх — я ему где-то по пояс была — и у него в глазах... испуг что ли... «Ты что?» — говорит. А я говорю: «Тебе же больно!» — «Мне не больно!» И так рассердился. Мне даже показалось, что он хочет меня ударить... Наверное, только показалось. Потому что ведь он меня никогда не бил. Никогда в жизни.

ВТОРАЯ. Били меня очень часто, оскорбляли, унижали, это даже говорить об этом нечего. Это было в порядке вещей. Сказать — потаскуха — это было нормально. Ты опоздала вечером — где ты шлялась? И за волосы таскал, и по всякому!

ТРЕТЬЯ. Когда у меня будут дети, я ни за что не буду их бить. Пусть хоть на голову мне сядут!

ВТОРАЯ. Дальше, когда мы оставались с ним наедине, я говорила, что любила смотреть с ним кассеты. И вот эти комедии они превратились для меня с одной стороны в кошмар. А с другой стороны в блаженство, потому что как чувственно развитый человек, мне это не могло не нравиться. Мы сидели обнявшись. И... Ну, а когда это захватывает... То есть начиналось некое такое возбуждение-возбуждение-возбуждение, потом, значит, оно заканчивалось... И у меня шёл просто дикий такой... — да? Как же так? Это ведь мой отец? Как же так? То есть вот доходило как бы реально до оргазма. То есть детского моего девического такого... Руками, да, там, здесь, везде, да.

ПЕРВАЯ. Мне было уже шестнадцать, когда мы видик купили. Так папа, смотрим с ним, бывало, фильм какой-нибудь — не то, чтобы порнуху, нет, а просто мелодраму, он их тоже любит, как и я — или я, как и он — в общем не суть. Ну,

так вот, смотрим мы кино, а если на экране вдруг герои — не что-нибудь опять же — а просто целоваться начнут — мой папа сразу плёнку вперёд перематывает. Самое забавное, что он, должно быть, чистосердечно полагал, что я так и не узнаю, что меня нашли не в капусте, если он будет плёнку перематывать...

ВТОРАЯ. И вот... во временном пространстве всё теряется, я сейчас это восстановить не могу, но я помню, что всё это было от случая к случаю. Случайно — неслучайно... Мама тогда не знала... Но это было нормально. То есть это не вызывало во мне протестов никаких, это вызывало только радость и чувственное некое наслаждение, да? Отец много работал. И как бы по вечерам или там на выходные, когда мы вдвоём смотрели какую-нибудь комедию, да? — очередной телевизор — это было.

ТРЕТЬЯ. Когда я была школьницей, я очень любила его, но когда я ходила в последний класс — поменялось и отношение к папе. Ну, другой возраст, настроение. Взрослая, да? И в то время я смотрела по телевизору какой-то сериал... И там девушка живёт с папой. Мамы уже нет, умерла. И... девушка... ну... папа... я не знаю, как это сказать, но папа иногда спит с дочерью... с девушкой... Папа её! Ну... когда я посмотрела это... очень моё отношение к папе... Это, конечно. Глупо, но чуть-чуть как-то ненормально... я почувствовала... что он мужчина. Раньше он был только папа, а теперь... да, конечно, папа, но тоже — мужчина... В четырнадцать... Мы очень много телевизор смотрим... Ну... такое... скандальное, да? Особенно в то время...

ВТОРАЯ. Потом всё это начало приобретать какие-то другие масштабы, потому что я стала взрослеть. И я помню, что нормально это было до того момента, как у меня начались оформляться груди там, да и всё. И когда появилось это всё во мне, когда я уже достаточно оформилась, это стало приобретать другие масштабы, потому что я стала умом своим что-то понимать и мне это стало нравиться больше. Потому что у меня были какие-то там мысли, реакции. Да? И это стало чаще. Это стало чуть ли ни каждый день и каждый вечер. И как бы я помню, что вот когда это начиналось, мне это нравилось, я помню, что мне это нравилось. Вот в этом моя трагедия, по большому счёту, да?

ТРЕТЬЯ. И ещё по телевизору мы часто смотрим какое-то страшное отношение к женщинам у мужчин. И поэтому у меня только была такая необычная информация... И была такая ситуация. Я смотрела телевизор и сидела на диване. И папа сидел рядом со мной. И моя рука. И он трогает. И я так: «Что ты делаешь?!»

ВТОРАЯ. Потому что когда я отцу это в упрёк поставила всё-таки, то совесть меня мучила здорово. Потому что мне это нравилось. Я получила удовольствие. Но! Вот, положим, это было, а в какой-то момент мама выйдет там. Или зашуршит, или из комнаты, из кухни пойдёт сюда, руки тут же отдёргивались. Понятно, да? Отдёргивались. И ты понимаешь, что ты что-то делаешь плохое, потому что так

как бы не... да? Что-то делаешь плохое, причём по отношению к маме. Как получается по логике.

ПЕРВАЯ. В подтексте всегда присутствовала ревность двух женщин — между мной и мамой. Это было постоянное внутреннее соперничество.

ТРЕТЬЯ. Мама — солнце, папа — луна. Всё вращается вокруг солнца.

ВТОРАЯ. Но тогда я была маленькая. Я была, у меня ветер был в голове страшный. И как бы мне-то там ... анализировать всё это я не умела, была неспособна. Понять, что я делаю что-то плохое по отношению к маме - я могла только каким-то таким непонятным чувством, которое тут вот чево-то вот такое вот скребётся. А — что, мне не понятно. Видимо, вот тот период, когда это было нормально в кавычках – шестой-седьмой класс, а когда это стало уже не очень нормально — девятый, десятый, одиннадцатый... Совесть мучила...

ПЕРВАЯ. У нас всегда было общение двух людей, как настоящая семья — настоящее доверие и взаимопонимание. И мама чувствовала, что оно между мной и отцом существует больше, чем между нею и отцом.

ВТОРАЯ. Мало того... То, что как бы начинал он... А потом, когда это стало переходить в нечто другое, были моменты, когда начинала я. То есть когда я сама создавала ситуацию, когда это могло случиться, я этого ждала, мне это нравилось. Но я говорю, всё это заканчивалось, как только я получала то, что хотела,.. да, я получала, я испытывала оргазм. И как только это происходило, меня начинала жутко мучить совесть, мне становилось всё противно вокруг. Я не понимала – зачем всё, и как и что происходит.

ПЕРВАЯ. Мама пыталась забить меня как женщину, внушала мне, что я некрасивая. Говорила: «Страшилка ты моя». Такое внушение мне моей женской несостоятельности. Она вслух переживала, что мужчины не будут обращать на меня внимания. И мужчины потом когда говорили, что я красивая, я в глубине души им не верила. Думала — надо же как врут. Как убедительно. Плакала даже.

ВТОРАЯ. А потом произошло следующее — я влюбилась в мальчишку в одного — и все мои мечты и фантазии были уже связаны с ним.

ПЕРВАЯ. Каждого мальчика, а потом мужчину я сопоставляла с отцом. И я всегда видела, что отец ярче и интересней.

ТРЕТЬЯ. И я подружилась с мальчиком.

ВТОРАЯ. А как бы всё, что происходило дома с отцом... стало... ну, не нужно уже это было... отторжение пошло, потому что я же ассоциировала как-то, да? Пошло отторжение, и отец это заметил. И как бы, вспоминая сейчас, мне кажется, что были моменты, когда типа, мол, а почему нет? А поскольку я не могла сказать ему нет, ты, знаешь. Дружок, всё. Да? Не могла. Это как бы происходило против моей воли. И я всё стремилась избежать, и я всё стремилась уйти... Да? И деваться

некуда, потому что мысли в голове путаются, и ты не знаешь, что делать, потому что вот сексуальное удовольствие – оно происходит, тело-то привыкло... И это всё в голове мешалось, мешалось, куда деться? Как убежать? Неизвестно было.

ПЕРВАЯ. А тут ситуация... такая. Был парень. Заканчивал институт, он был не москвич. Я училась тогда только на первом курсе. Мне было тогда ещё неполных восемнадцать лет.

ТРЕТЬЯ. У меня с этим мальчиком была одинаковая ситуация. Мне было трудно общаться с друзьями. И ему тоже. И каждый вечер мы с ним всегда разговаривали по телефону. И очень шумно было для родителей и для сестры. И на меня всегда ругались. На втором этаже мы спим, но если я разговариваю, то спущусь вниз и разговариваю тихо.

ВТОРАЯ. И вот подготовительные курсы. Там были друзья, там была любовь. Начинались запреты — на уровне — после учёбы сразу домой — нигде не задерживаться, ни с кем не постоять возле факультета, потому что моё расписание занятий висело у них на стене, и они же знают, во сколько заканчиваются занятия, значит, тут же я должна была быть дома.

ПЕРВАЯ. И я ему нравилась. И я удивлялась, что я ему нравлюсь. И мама была не против. А отец был против.

ТРЕТЬЯ. Всем понравился мальчик. Все полюбили его в нашей семье, но папе не понравился.

ВТОРАЯ. Началось враньё про библиотеки, про то, что я там читаю книги, вся такая умная, заученная. Про то, что вот нас задержали, а пару отменили и ещё чего-нибудь такое. И это, конечно, было страшно, потому что я всё время должна была находиться в состоянии вранья.

ПЕРВАЯ. Отец сказал мне то, что само по себе не содержит ничего плохого. Он как раз мне всё сказал с точки зрения здравого смысла. То есть он сказал мне во-первых, ты понимаешь, ты ещё только на первом курсе.

ВТОРАЯ. Я не могла сказать просто — мы зашли в кафе, мы общались с друзьями. Могу я приехать на час позже? Нет. «Я знаю, что это такое — там наркотики, там алкоголь, значит, откуда я знаю, вот они напьются — что они с тобой сделают?» И это было, конечно, вот это вот неопишимо.

ПЕРВАЯ. «У тебя твоя работа, твоя профессия будет связана с очень большим количеством контактов, общения, у тебя будет очень большой круг знакомых. И может быть тебя ждут ещё многие и многие увлечения, и не надо так быстро себя связывать.»

ТРЕТЬЯ. Я не знаю точно, почему он не понравился папе, но... по-моему, такой мальчик... он хочет разрушать закон, то, к чему мы уже привыкли... И папе поэтому не понравился.

ВТОРАЯ. Вот значит, я говорю, случился этот первый мальчик. Я привела его домой. Это был свет в окошке. Вот если я с мальчиком, то как бы вот всё — идите на фиг. Но уж тут я должна была спрашивать вообще разрешения в каждом своём шаге. Вплоть до того, что мы идём в кино, вплоть до того, что я поеду к нему в гости, вплоть до того, что мы сейчас пойдём в парк погуляем. А потом зайдём в магазин, а потом придём домой.

ПЕРВАЯ. И ещё отец сказал: совмещать учёбу и семейную жизнь крайне тяжело. Ты сейчас вот учишься на пятёрки, а начнёшь жить семейной жизнью — то на тройки сразу скатишься. А я хочу чтобы ты получила хорошее образование, что тоже разумно. Это разумно.

ВТОРАЯ. Мальчик поначалу понимал, и как бы нормально всё это было, но тут начались штуки сексуальные самые настоящие... То есть он не был моим первым мужчиной... То есть он не стал моим первым мужчиной. Но там было много этих моментов. Нас пёрло друг от друга со страшной силой.

ТРЕТЬЯ. Например, мы хотели чуть-чуть попутешествовать вместе. Туда и обратно невозможно было успеть. И я без согласия родителей. Я позвонила, сказала — мама, я не успею вернуться. Но папа, когда я вернулась, даже, ну мальчик провожал меня... Но он очень рассердился — почему он здесь и ты что делаешь?

ПЕРВАЯ. Ну, и потом он говорит: ты понимаешь — ну вот он заканчивает институт, он не москвич, как ты можешь гарантировать, что он не хочет просто зацепиться за Москву, женившись на тебе. Вот он сейчас на тебе женится, а через пару-тройку лет, ты поймёшь, что ему нужна была вовсе не ты, а просто московская прописка. И когда он мне всё это сказал — на тот момент он действительно меня убедил.

ВТОРАЯ. И, значит, в какой-то момент... По-моему, это было воскресенье. Я говорю — мы сегодня к Вите поедим в гости. Хорошо. — Хорошо. Но мы не поехали в гости, а пошли в кино. А в гости поехали в понедельник. Мы сидим у Вити в гостях. Звонок. Мама. «Срочно ехать домой». Я говорю: «Что случилось?» - Срочно ехать домой. Мам, объясни, пожалуйста, что я сейчас буду переть и волноваться? «Отец хочет, чтобы ты срочно приехала домой.»

ТРЕТЬЯ. Почему я не могу поехать с друзьями? Почему не могу остаться ночевать у друзей?

ВТОРАЯ. Ну, мы удивились, собрались. Проводил меня. Я приехала. Отец отзывает меня в комнату, говорит — как это понимать? Я говорю — что? Типа — с какой стати ты сегодня была у Вити? Я ж спросила разрешение? — Ты спросила в воскресенье, воскресенье выходной — родители должны были быть дома, а сегодня понедельник — родители на работе. Что вы делали одни в пустой квартире? И меня просто так это бух по мозгам. Прости, папа, ничего не делали, кино смотрели. Вот. Он, конечно, был прав, мы, конечно, там многим занимались. Но... имели право.

ТРЕТЬЯ. Мы ничего такого не делали. Совсем ничего.

ПЕРВАЯ. И я была согласна. И рассталась с ним, с этим молодым человеком, совершенно ну без всякого сожаления. И потом папа не сказал, что я тебе запрещаю, а он просто меня убедил.

ТРЕТЬЯ. По-моему, для него, для папы такой молодой характер ... был непонятен. Он не привык, он думает по-другому. Думает — его дочери это не подойдёт. Просто ему не понравилось. Иногда он что-то говорил в шутку о мальчике. Ирония, да?

ВТОРАЯ. И вот тогда был первый разговор, который как бы вот очень-очень наши отношения повернул. И тогда мне прямым текстом было сказано, что если ты с кем-нибудь переспешь до свадьбы, то ты мне больше не дочь, я от тебя отказываюсь, то есть если это случится, то считай, что у тебя нет отца.

ТРЕТЬЯ. Я захотела этого, потому что запрещали.

ВТОРАЯ. Долгая шла беседа про всякие-разные морально-нравственные ценности, про то, что я не зла тебе желаю, а вот выйдешь замуж – ради бога, сколько угодно... Это была моя проблема всегда. Они друг у друга были первыми, они были счастливыми, и как бы по сей день они тьфу-тьфу-тьфу они вместе. А о том, что бывают другие истории, это нет. Пап, а если он не подходит мне физически?

— А откуда ты это поймёшь, если никого у тебя до этого не было. Тебе же не с чем сравнивать. Не бывает такого, чтобы люди не подходили друг другу.

ПЕРВАЯ. Мне моя старшая подружка говорила: «Выйти замуж, не переспав, это всё равно что взять кота в мешке. Не делай глупостей! Убедись сначала, что это стопроцентно то, что тебя устраивает в постели!»

ВТОРАЯ. Шли разговоры про верность — что если это случится, то ты никогда не будешь счастлива замужем. Ты будешь не первой, он будет не первый, это будет беда на всю жизнь. Легко будет бросить.

ТРЕТЬЯ. Этот мальчик нашёл другую подругу. Мы ещё как-то разговаривали по телефону. Но мы уже шли по разным дорогам, да? Ну, мне нормально было с ним разговаривать, потому что для меня такой человек, который понимает меня – редкость, ну не так много. Но для него со мной разговаривать было тяжело. Поэтому мы решили не общаться больше.

ПЕРВАЯ. Очень даже бывает, что люди не подходят друг другу физически. Но это я сейчас знаю. Раньше не знала.

ВТОРАЯ. Мне это свалилось как снег на голову — весь этот разговор. Унижало ещё то, что отец мне всё это говорит такие вещи. Ладно, если мама, Вот вы тихо сидите, и она по-женски тебе объясняет, что ты знаешь, вот я, конечно, всё понимаю, но пойми меня. Как-то деликатно. А когда тебе прямым языком говорят — что вы там, блин, делали! И если что, то ты мне не дочь! И отец! Мужчина!

ТРЕТЬЯ. И у папы — усы. Поэтому я любила мужчин с усами, когда школьницей была. Сейчас — нет.

ПЕРВАЯ. Отец всегда твёрдо знал, что я ничего не сделаю такого, чтобы причинило ему боль... И он этим пользовался. Если ему не нравился какой-то мужчина рядом со мной — я расставалась с этим мужчиной... Но... ему не нравился никто.

ВТОРАЯ. Тогда я стала избегать отца. Тогда это было — конфликт во мне на уровне отторжения такого. Видимо, тогда это всё началось. Вот сейчас я понимаю, что, видимо, тогда. Потому что сейчас мы абсолютно чужие люди. А началось, видимо, тогда. До этого мы были близкими, мы, правда, были родными и близкими.

Да, я не могла ему ничего такого рассказывать, делиться с ним, я даже маме не могла ничего такого рассказывать, потому что я жила своей собственной жизнью, параллельной им, с самого детства, с самого раннего детства. Всегда я знала, что меня будут ругать, на меня накричат, меня там ещё что-то. И даже просто по-человечески подойти к маме спросить что-то там такое, это всегда вызовет...

ТРЕТЬЯ. Ты не веришь мне? Ты боишься, что я сделаю что-то плохое. Значит, ты думаешь, что я плохая! Ты уверен, что я — плохая.

ВТОРАЯ. И я, значит, начала прятаться от него. Я пыталась... я боялась жутко, я помню этот страх, я боялась столкнуться с ним в пустом коридоре ... как-то там. Если учесть, что я в принципе с детства никогда не любила носить лифчики — скованное тело — мне казалось. Может, быть и надо носить, но я не люблю, меня это сковывает. Я ненавижу себя чувствовать несвободно в этом смысле. А дома, естественно, ходишь в каких-то маечках там просвечивающих, там ещё что-то. Я жутко боялась. Потому что он брал как в тиски, и выйти тоже не получается — и так пытаешься, и эдак пытаешься, а куда? Ну, никуда.

ПЕРВАЯ. Мне всегда нравилось ездить на машине с ним рядом, не сзади, как полагается для ребёнка, а именно рядом.

ВТОРАЯ. В результате всё это было-было-было, так оно всё и происходило до ссоры. Потом случался конфликт, и какое-то время я могла дышать свободно, потому что тут со мной не говорили, и было по фигу — столкнёмся, не столкнёмся... Вот. И кстати говоря, сейчас вспоминаю, что были такие моменты, что мирились-то мы только потому что столкнулись, и отец как бы... ну и всё... и типа помирились. И только потом ещё через несколько дней — он говорит — ну

так давай поговорим, а то чего это мы с тобой помирились, а мораль-то неясна. Вот.

ТРЕТЬЯ. Тогда пусть на самом деле я буду плохая!

ВТОРАЯ. И семья казалась благополучной. И приходили люди и говорили: «Ой, какие у тебя дети! Ой какая у тебя семья! И как у тебя уютно, хорошо!» И просто гордиться надо и всё такое! И как они поют, и как они то, и как они это! Вот.

ПЕРВАЯ. А когда я стала старше, я замечала, что папа с удовольствием дарил мне цветы. И лучших цветов, чем отец, мне не дарил ни один мужчина. Лучших не потому что папа подарил, а потому что они были так выбраны.

ВТОРАЯ. И когда у нас начались реальные, серьёзные конфликты, я стала анализировать всё то, что было тогда, и стала понимать, что возможно своими действиями отец очень здорово подрывал веру в семью, веру в ощущение того, что муж, жена и так далее... И как это может быть? Мама рядом, а мы в другой комнате... А мы тут...

ПЕРВАЯ. Дарил украшения, косметику. Маме он этого практически не покупал – мама всё покупала сама. Она и не особенно этим увлекалась, но тем не менее.

ТРЕТЬЯ. Любил наряжать меня как куклу. Всё покупал мне сам... А мне не это нужно. Мне нужно, чтобы мне верили!

ВТОРАЯ. Я помню даже один момент... Он, правда, в состоянии аффекта был. Отца он здорово выбил... Мне, правда, честно говоря, больно о нём вспоминать... Конечно, дальше этого отец бы не пошёл никогда. Понятное дело, что никогда бы не пошёл. Я в это верю, и ничуть в этом не сомневаюсь. И вообще я очень боюсь, что когда я начинаю всё это рассказывать, отец выглядит таким монстром, а при этом было же и очень много хороших моментов. Мы ведь любили друг друга, и жили в семье, и он был моим отцом, я была его дочерью. И было очень много хороших моментов, они сейчас не вспоминаются, потому что всё каким-то туманом заволочло. А момент, это был тот момент. Когда я начала отторгаться от всего. Мало того, сколько раз я себе давала обещания... Я помню, что я засыпала.

ТРЕТЬЯ. А когда у меня была высокая температура, он сидел рядом и держал свою руку у меня на лбу. Холодную руку.

ВТОРАЯ. И в комнату вошёл отец. Пожелать мне спокойной ночи. А я заранее под себя одеяло подтыкала и ложилась на него, чтобы он не смог под одеяло руку засунуть. Я знала, что он придёт и засунет руку под одеяло...

ПЕРВАЯ. А когда у меня была высокая температура, а он садился рядом, я брала его руку и клала себе на лоб. А иногда на грудь. И мне было легче дышать. Но с груди руку он быстро убирал... Я говорила: «Мне так легче дышать...» А он говорил: «Сейчас придёт мама — даст тебе лекарства».

ВТОРАЯ. И он вошёл, сел рядом, и мы как-то смеялись, разговаривали, а потом он взял мою руку и положил себе... туда... Прямо туда. И я почувствовала, какое там всё большое и твёрдое... Я руку отдернула. И он тут же вышел.

ПЕРВАЯ. Был эпизод. Мы вдвоём куда-то ехали глубокой осенью. И у нас сломалась машина. Остановились люди какие-то — помогать, и подумали, что я его жена. И я поймала себя на мысли, что мне очень приятно это слышать. И отец, кстати, тогда этого не опроверг.

А ещё был эпизод. Я училась в десятом классе. И мы были летом в Киеве. И мы шли куда-то по гостинице, без мамы. И какие-то люди подумали, что мы — муж и жена.

ТРЕТЬЯ. «Не главное — достичь желаемого. Главное — не желать того, чего не нужно желать», — кто-то из древних сказал.

ПЕРВАЯ. И в моём подсознании отец всегда боролся с каким-то другим мужчиной. И мне становится порой жутковато, так как я ловила себя на мысли — если я общаюсь с отцом, то мужчина мне никакой другой не нужен, даже если я в кого-то влюблена. Вот влюблена, а куда-то пошла с папой — и про этого мужчину не вспоминала. Забывала в его присутствии обо всех.

ВТОРАЯ. И я в результате ушла. Мама ничего не понимала. Почему я ушла? Юношеское самоутверждение такое! Она только видела, что мы ссоримся с отцом... Вскоре после этого мама попала в больницу. И, значит, вскоре после этого попадает в больницу отец. И я тогда тоже переболела на нервной почве.

ПЕРВАЯ. И я увидела отца с другой женщиной. В Сокольниках, в парке. Среда бела дня. Они шли по аллее и целовались. И смеялись. Мама была на работе. Я — прогуливала институт. С мальчиком. Отец шёл прямо на меня и ничего не видел. Он был счастливый, как мальчишка. И он подхватывал её и кружил. Им было хорошо друг с другом. И я потянула мальчика к скамейке. И мы сели. А отец с женщиной прошли мимо. Она была совсем молодая. Чуть старше меня. И похожа.

ТРЕТЬЯ. Когда я звоню домой и слышу голос мамы, я думаю, что я ещё не взрослая.

ВТОРАЯ. Я позвонила. Мама сказала — давай встретимся. Разговор был очень эмоциональный. Я поняла, что смогу изменить нашу семейную ситуацию, только если выложу маме всю правду. И я рассказала всё, как есть. Упуская, может быть, какие-то подробности, которые, может быть, её слишком бы ранили, но суть всего моего конфликта, как я его вижу с отцом. Я ей рассказала.

ТРЕТЬЯ. У нас всё есть, чтобы жить удобно, спокойно, но...

ВТОРАЯ. И рассказала про наркотики, про Сашу, про первого мужчину, про всё. Как жила одна в заброшенной квартире. Для неё открылся просто другой человек. Её дочь. Всё с ног на голову.

ПЕРВАЯ. Маме я не сказала. Её не было дома. Я кричала: «Я тебя ненавижу! Ты меня предал! Ты мне не отец!» И я била его кулаками в грудь. Он стоял такой подавленный. Он что-то говорил, что не тебя, а маму, а тебя не предавал, а тебя я очень люблю и никогда не брошу, и только из-за тебя не уйду из семьи. Я кричала, что — при чём тут мама?! Что я... так люблю его, а он!» Он сначала пытался меня успокоить, обнять. А потом, как истеричку, отхлестал по щекам.

ВТОРАЯ. На маму тогда было страшно смотреть. Но я не могла это в себе больше держать. То есть вот это было последнее средство защиты, оправдания и попытки что-то изменить. Последняя соломинка.

ПЕРВАЯ. Он курил на кухне. Я подошла. Обхватила его голову. Стала целовать, целовать... Везде... Я ничего не помню... Помню, что он держит меня за плечи и трясёт. Сильно-сильно. И глаза у него сумасшедшие... И я поняла, что теперь он точно уйдёт.

ТРЕТЬЯ. И я решила: если вы так всё запрещаете, если я плохая — я пойду и сделаю это!

ВТОРАЯ. Мама уехала домой со словами, что теперь всё будет зависеть только от тебя и от отца. Что я умываю руки. Что я вообще больше в этом не участвую, в этих разговорах.

ПЕРВАЯ. Папочка, не бросай меня. Я хочу быть с тобой... всегда... Мне никто-никто больше не нужен!

ВТОРАЯ. В тот же день мама всё выложила отцу. Всё до мельчайших подробностей нашего разговора. На следующий день позвонил отец. Попросил встретиться, чтобы поговорить. С ним разговор был такой — ещё раз всё подробно. Манифест Золя — «Я обвиняю».

ПЕРВАЯ. «Ты сам виноват! Ты сам виноват, что ты лучше всех! Разве я виновата, что я твоя дочь?!» Я так говорила... А он только пугался ещё больше...

ВТОРАЯ. Впервые в жизни я говорила с отцом, не боясь. Он выслушал, а я выложила всё — все свои эмоции, все свои мысли, которые за двадцать лет накопились. Начиная с самого детства.

ТРЕТЬЯ. На дискотеке я выбрала парня. Я ему нравилась. Он постоянно крутился рядом. И потом он стал прижиматься ко мне, и трогать за все места. Но я вдруг поняла, что я не могу. Я сказала — знаешь, я не могу. А он сказал — нечего строить! Поедешь ко мне! И там были его друзья. Они стояли на выходе. Я поняла, что не выйду. Я позвонила папе, чтобы он приезжал. Я кричала: «Забери меня отсюда!»

ВТОРАЯ. А потом был его монолог. Для него конечно, были откровением мои слова... об этом... потому что он от этого не помнил — о том, что происходило, а если помнил, то не придавал этому значения некоего греха. Для него это было,

как он мне потом объяснял — да, я что-то припоминаю, но мне казалось, что вот в жизни каждой девочки должно быть что-то вроде чувственного воспитания. Мужчина как бы да не в понятии привычном — первый мужчина, а вообще первый мужчина в жизни девочки — это отец. И как бы он меня воспитывал. Это для него входило в воспитание. И он предположить не мог, и в мыслях у него не было, что это как-то отрицательно на меня влияет... и что какие-то мысли у меня в голове варятся. Видимо, я повод ему давала так думать, может быть, в детстве.

ТРЕТЬЯ. Я танцевала, танцевала, не останавливаясь. Я думала, что упаду. А он всё не ехал. А выйти я не могла. Я боялась отойти от девчонок. Потом он приехал. И забрал меня. Он сказал — покажи — кто? А я испугалась, что он будет бить, что драка, и сказала — они уже ушли!

ВТОРАЯ. ОН говорил — почему же ты не сказала мне? Не сказала мне — прекрати и всё. Если так тебя... Почему ты молчала? А я боялась. Я не могла ему сказать. Боялась я его. А потом — как я ему скажу — нет? Ведь это будет значить, что я тогда та самая зависимая маленькая девочка, которая не могла пикнуть, боялась всё время в страхе, всё время врала, могла бы вдруг сказать отцу — нет, это означало бы, что он что-то делает неправильно... Да, мне это было страшно. А почему я не говорила матери — понятно.

ТРЕТЬЯ. Он посадил меня в машину — на заднее сиденье. И мы поехали. Я говорила, что я сама хотела, чтобы всё узнать. Что он сам виноват. И со мной началась истерика. Я так плакала. Папа остановился, вышел, сел со мной рядом. Он целовал меня, утешал, гладил по голове. Я плакала... Он целовал... Я плакала... Он целовал... Я не понимаю, как всё это произошло... Ну... И, в общем, я всё узнала... Что хотела... И только больно и... ничего... Почему это все любят?

ВТОРАЯ. Для него это, конечно, было шоком и заставило пересмотреть во многом весь наш конфликт. И когда стало ему ясно, что давно я уже не девственница, и как бы не один раз, и ни один человек, и вообще я живу нормальной половой жизнью, мне было сказано, что да ты, действительно. Мне теперь не дочь. Ну, я припомнила ему эти слова. Я припомнила то, что я чувствовала, когда он это говорил. Всё это не имело вот такого действия, такого вот... не знаю, в результате. То есть, действительно, не дочь в том понимании, в каком это было раньше, то есть я ответственности за тебя уже не несу. Ту, которую я на себя брал. Но ради матери, которая в депрессии, на неё страшно смотреть, она похудела, возвращайся домой.

ПЕРВАЯ. Я дружу с его второй женой. И сестру подтягиваю по английскому.

ВТОРАЯ. Я спросила — ты представляешь себе это как лицемерие некое такое? Просто будем ради мамы здороваться, прощаться, улыбаться друг другу? — Но я тебя прошу, ради мамы — вернись домой. Если вы не любите друг друга — зачем вы рождаете детей?!

ПЕРВАЯ. Всё равно я знаю, что он меня любит больше всех на свете. Я это знаю. Я — главная женщина в его жизни. Только тут ничего не поделаешь.

ТРЕТЬЯ. Я потом уехала. Стала жить отдельно. Я приезжаю к ним в гости. Мама рассказывает, что они купили... Что ей подарил отец... Кажется, у них всё хорошо... Я никогда их не брошу.

ВТОРАЯ. Мама с отцом долго говорили по этому поводу — мне мама потом рассказывала. Она сказала отцу — я готова стерпеть всё, что угодно, лишь бы ты был рядом. И он был рядом.

ПЕРВАЯ. Идеальные родители — это те, кого дал Бог.

ВТОРАЯ. На следующее утро он позвонил мне со словами — девочка моя, я тебя очень люблю. Прости меня за всё. И возвращайся домой, я буду очень рад тебя видеть, буду рад тебя слышать. Папа, и я тебя тоже очень люблю.

ТРЕТЬЯ. Зачем я рассказываю? Могу рассказать и получить ответ, сравнить и себе вопрос добавить, и искать выход могу с помощью другого человека. Если вокруг меня таких людей много, таких как я, тогда я тоже от них могу взять кусочек силы, чтобы жить.

ПЕРВАЯ. Я точно вам говорю, что всё можно пережить. Всё, что угодно, можно пережить. Даже самое страшное. Человек такое существо. Пережить. И дальше жить... С этими же людьми... Ни с какими-то другими. Дальше жить.

ТРЕТЬЯ. Когда я сейчас вижу папу. У него волосы были только чёрные, а сейчас уже белых много. Когда я вижу это, я хочу что-то сделать для него, если можно.

